

¹ Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

² Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

³ Государственный исторический музей
Красная площадь, 1, Москва, 109012, Россия

E-mail: gvkubarev@gmail.com; denzhuravlev@mail.ru

ДОСПЕХ ИЗ КАТАКОМБНОГО ПОГРЕБЕНИЯ С ГОСПИТАЛЬНОЙ УЛИЦЫ ГОРОДА КЕРЧИ (ИЗ РАСКОПОК 1891 ГОДА ПРОФЕССОРА Ю. А. КУЛАКОВСКОГО)*

В научный оборот вводится часть материалов из практически неопубликованного ранее катакомбного погребения, исследованного профессором Ю. А. Кулаковским в 1891 г. на Госпитальной улице г. Керчи. В настоящее время основная часть находок из этого погребения находится в фондах Государственного исторического музея (Москва) и лишь некоторые – в Государственном Эрмитаже (Санкт-Петербург). Одной из наиболее интересных находок являются остатки одного, а возможно, и двух панцирей. Панцирь был изготовлен из пластин семи типов, большая часть которых имеет вырезные или фигурные края. По конструкции и наличию декоративных вырезов у пластин этот доспех находит наибольшие аналогии в аварских материалах Центральной и Восточной Европы. Однако он, несомненно, связан и с кругом многочисленных археологических находок и изображений подобного доспеха на территории Центральной и Средней Азии, имеющего центральноазиатское происхождение. Доспех, как и само катакомбное погребение, могут быть датированы второй половиной VI – началом VII в., т. е. относятся к заключительной волне эпохи Великого переселения народов.

Ключевые слова: Крым, Керчь, заключительная волна эпохи Великого переселения народов, катакомба, доспех.

Доспех является неотъемлемой частью оружейного комплекса и благодаря особенностям конструкции и оформления может выступать в качестве важного источника в вопросах происхождения и дальнейшего распространения подобного рода вооружения, миграций и межэтнических контактов в раннем Средневековье. При наличии изобразительных материалов собственно археологические находки предметов защитного вооружения особенно информативны и относительно редки. Тем интереснее остат-

ки, вероятно, двух панцирей из парной катакомбы, исследованной в г. Керчи.

В 1891 г. профессором Ю. А. Кулаковским была раскопана уникальная парная катакомба на Госпитальной улице г. Керчи. Несколько позднее им было опубликовано подробное описание погребения и приведены рисунки трех находок – бляшек от наборного пояса и бронзовой подставки для светильника [Отчет..., 1893. С. 59–61. Рис. 38–40]. В настоящее время большая часть инвентаря этого комплекса хранится

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 10-06-00476а), в рамках гранта Президента РФ по поддержке научных школ (научная школа акад. В. И. Молодина, НШ-4880.2012.6).

в фондах Государственного исторического музея, а отдельные предметы – в Государственном Эрмитаже.

Ход в катакомбу оказался на глубине трех саженей ниже уровня улицы. После того как колодец или лаз был очищен, большой камень, закрывавший вход, отвален и разбит, стало возможным спуститься по веревке в катакомбу. Выяснилось, что вся она была заполнена землей, промокшей от весенней воды. На одной из оплывших лежанок найдены глиняная амфора и обломки большого стеклянного сосуда. В одной из стен катакомбы обнаружена пробоина, через которую можно было пробраться в другую, смежную катакомбу, расположенную несколько ниже первой. Она тоже была заполнена землей, но не в таком количестве и не столь сильно отсыревшей. Так как очистка обеих катакомб потребовала бы слишком много времени, то Ю. А. Кулаковский ограничился тщательной переборкой земли на месте. Земля была перебрана во второй катакомбе, где ее было меньше и можно было перекидывать из центрального пространства на лежанки. При этом было найдено несколько мелких золотых обломков, из которых два служили, вероятно, бляшками, украшавшими гроб. Здесь же найдена еще одна глиняная амфора.

После этого исследователи приступили к переборке земли, заполнявшей первую катакомбу. Все найденные предметы лежали на полу катакомбы, близ входа в нее. Отсюда можно было заключить, что грабители свалили все трупы из обеих катакомб к открытому ими входу, через который и проникал свет, и тут обыскивали их на полу. Забирая только дорогие вещи, которых, по-видимому, было много, они оставили на месте все железные предметы. Это обстоятельство позволяет предположить, что катакомбы ограблены еще в древности.

Кроме двух упомянутых выше амфор здесь найдены: кусочки золототканой одежды или покрова; два золотых листочка от гроба или погребального венка; золотой гвоздик; маленький золотой полумесяц, прикреплявшийся к чему-то тремя золотыми гвоздиками; золотые с тисненым орнаментом концы пояса или застёжки, мелкие серебряные обломки, четыре бусины и медная, византийская монета императора Льва (457–473 гг.); обломки из бронзы, кости и стекла. Из погребального инвентаря также

уцелели два железных кинжала, около двух десятков железных наконечников стрел, два железных меча (один из них с остатками кожи от деревянных ножен), круглое бронзовое зеркало и такая же круглая на трех ножках подставка под лампу, два железных шлема (один в обломках, другой цельный с прикипевшей к нему и загнувшейся внутрь железной бармицей), железный наконечник копья, большое количество панцирных пластин, наплечников и других деталей доспеха. Немногочисленные, разрозненные и сильно истлевшие кости, найденные в катакомбе, не позволили установить количество погребенных. По-видимому, в каждой катакомбе было погребено по несколько человек [Отчет..., 1893. С. 59–61].

Предметам вооружения из керченского погребения посвящена небольшая статья В. Арндта, опубликованная на немецком языке в малотиражном журнале [Arendt, 1932] и ставшая практически единственным источником информации для других исследователей. Именно на эту статью ссылаются большинство европейских (см.: [Thordeman, 1933; 1939; Arwidsson, 1938; Paulsen, 1967] и др.) и отечественных исследователей [Горелик, 1993]. Помимо того что автором не была проведена предшествующая публикации реставрации и реконструкции панциря, в статье не предпринято полной публикации инвентаря, а также содержится целый ряд неточностей в описаниях конструктивных особенностей защитного доспеха (типах пластин, конструкции шлема и т. д.). В связи с этим представляется необходимым полная обработка и ввод в научный оборот материалов данного погребения.

Научными сотрудниками Государственного исторического музея (Москва) и Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (Новосибирск) в рамках совместного проекта начата работа по всесторонней обработке материалов данного захоронения и, прежде всего, по реставрации и реконструкции защитного доспеха. В частности, удалось установить, что панцирь был набран из пластин семи типов, которые выделяются по форме, размерам, количеству отверстий и системе их расположения.

Тип 1. Пластины прямоугольных очертаний с округлыми краями (рис. 1, 1, 2). Размеры: длина – 10,6 см, ширина – 2,1–2,3, толщина – 0,2 см. Имеют вырезы в цен-

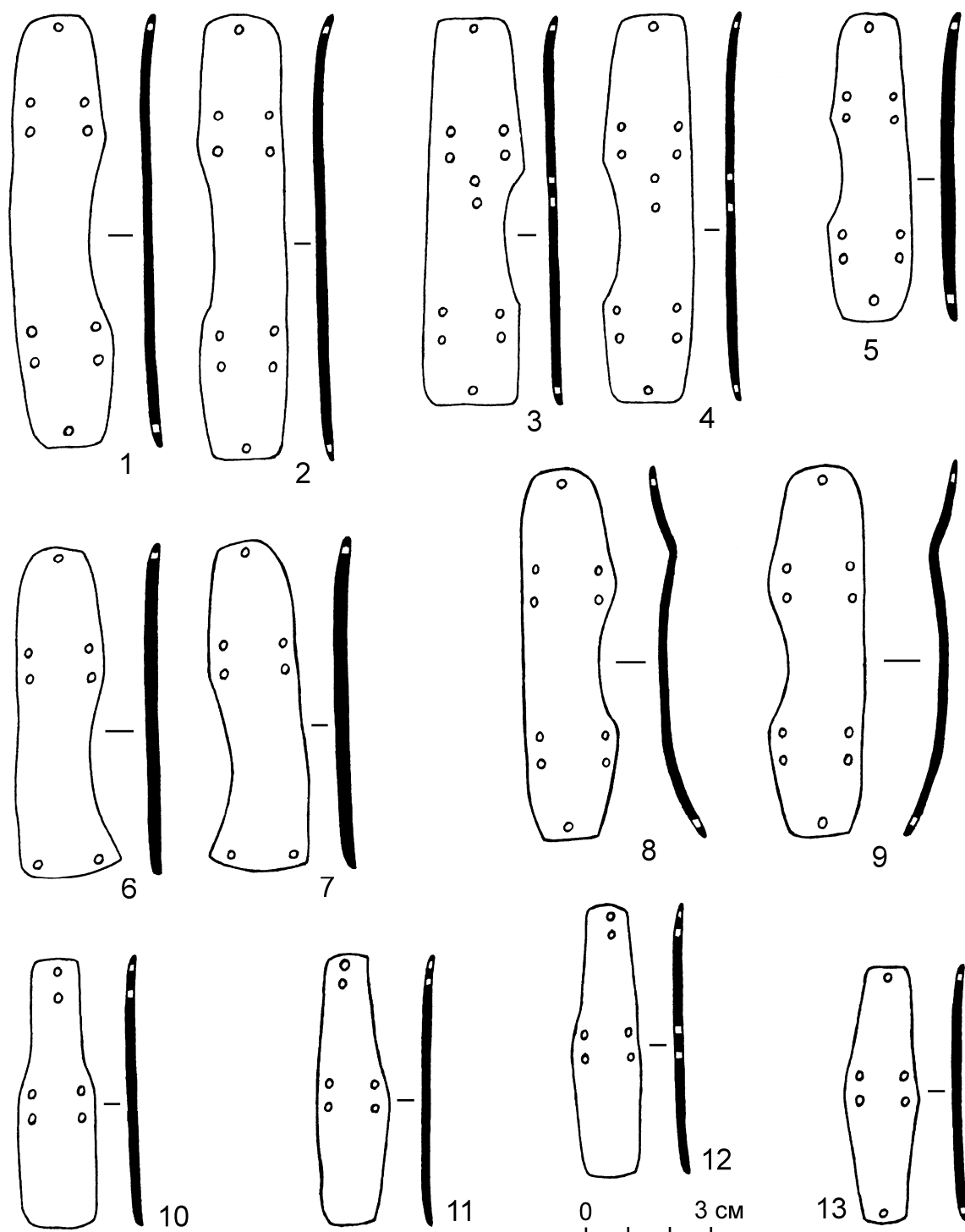

Рис. 1. Типы панцирных пластин: 1, 2 – тип I; 3, 4 – тип II; 5 – тип III; 6, 7 – тип IV; 8, 9 – тип V; 10–12 – тип VI; 13 – тип VII (железо)

тральной части как с левой, так и с правой стороны. Снабжены 10 отверстиями.

Тип II. Пластины прямоугольных очертаний с округлыми краями (рис. 1, 3, 4). Размеры: длина – 9,3–9,5 см, ширина – 2,3,

толщина – 0,2 см. Имеют вырезы в центральной части как с левой, так и с правой стороны. Снабжены 12 отверстиями.

Тип III. Пластины прямоугольных очертаний с округлыми краями (рис. 1, 5). Раз-

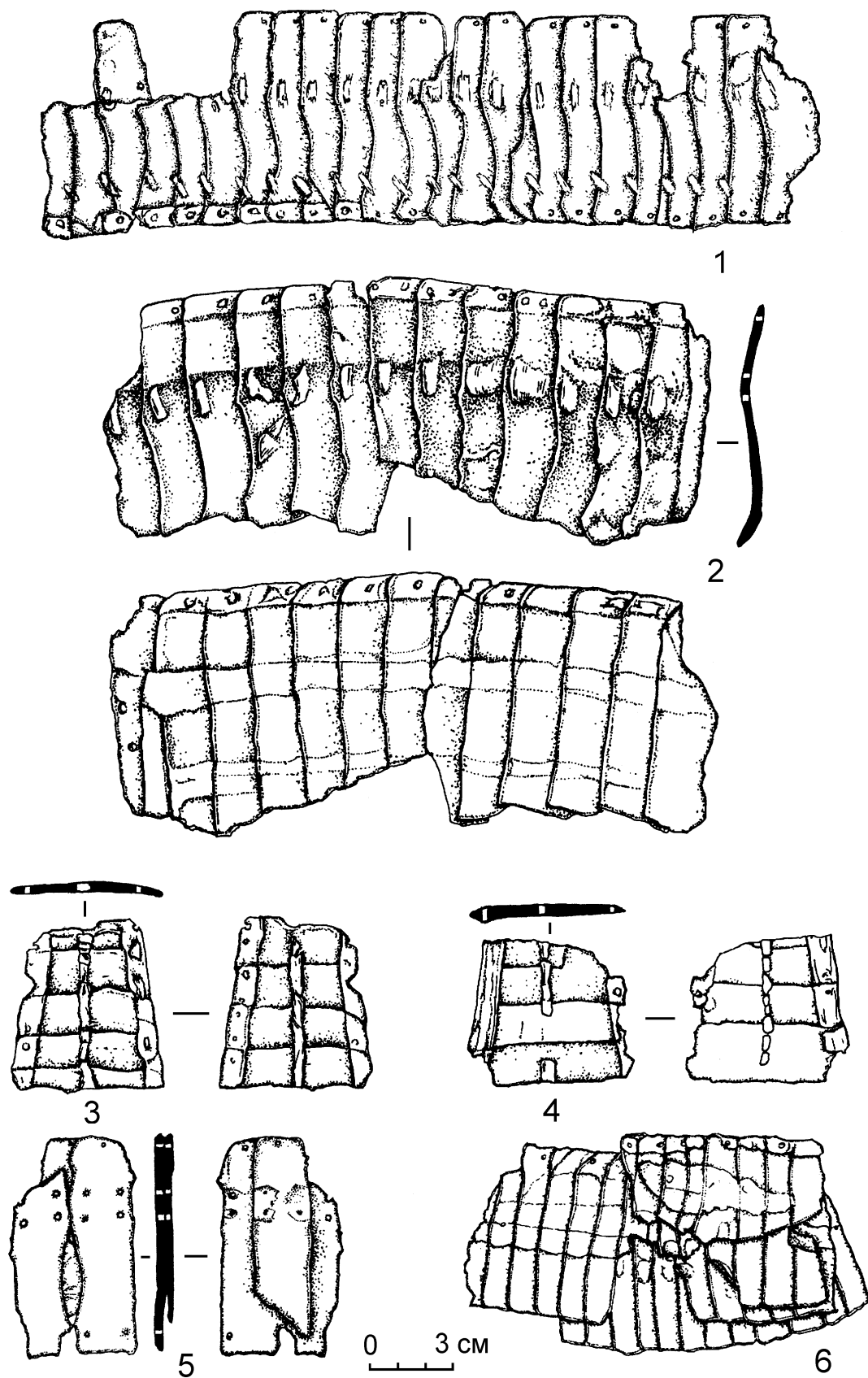

Рис. 2. Реставрированные фрагменты панциря (железо): 1–6 – пластины различных типов

меры: длина – 7,3 см, ширина – 2, толщина – 0,2–0,3 см. Пластины имеют левосторонний вырез в центре. Снабжены 10 отверстиями.

Тип IV. Пластины также прямоугольных очертаний с округлыми краями (рис. 1, 6, 7, 2, 1). Однако они имеют вырез в нижней части и скошенную по отношению к вырезу сторону основания. Размеры: длина – 7,9–8 см, ширина – 2,1–2,3, толщина – 0,2–0,3 см. Имеют вырезы как с левой, так и с правой стороны. Снабжены 7 отверстиями.

Тип V. Пластины прямоугольных очертаний с округлыми краями (рис. 1, 8, 9, 2, 2). Размеры: длина – 9 см, ширина – 2,2, толщина – 0,2–0,3 см. Имеют вырезы в центральной части как с левой, так и с правой стороны. Снабжены 10 отверстиями. От всех других пластин их отличает S-образное сечение.

Тип VI. Пластины прямоугольных очертаний с округлыми краями (рис. 1, 10–12, 2, 6). Размеры: длина – 6,4–6,5 см, максимальная ширина – 1,8, толщина – 0,2 см. Имеются следующие разновидности пластин: вырезы в верхней части как с левой,

так и с правой стороны (рис. 1, 11, 12), а также вырезы в верхней части с обеих сторон (рис. 1, 10). Снабжены 6 отверстиями.

Тип VII. Пластины ромбической формы (рис. 1, 13). Размеры: длина – 6,2 см, максимальная ширина – 1,8, толщина – 0,2 см. Снабжены 6 отверстиями.

Пластины всех типов соединены внахлест, налегая друг на друга на 0,6–0,9 см, что при общей ширине каждой пластины максимально в 2,3 см представляет собой очень плотное их скрепление. Ряды пластин всех типов окантовывались по периметру полосой кожи – на каждой стороне шириной до 0,7 см. С оборотной стороны для более плотного скрепления пластин и с тем, чтобы кожанный ремешок не перетирался, на парные боковые отверстия накладывались две кожанные полосы шириной 1,6–1,8 см. Они идут параллельно через весь ряд, а уже поверх этих полос – скрепляющий пластины кожанный ремешок. Такая система крепления использовалась для всех типов пластин (рис. 2, 3).

0 3 см

Рис. 3 (фото). Шлем (железо)

Рис. 4 (фото). Отдельная изогнутая деталь панциря, набранная из пластин второго типа (железо)

Рис. 5 (фото). Монолит из скрепленных веерообразно пластин шестого типа (железо)

К настоящему моменту удалось склеить две целые детали панциря – полосы, набранные из пластин второго типа. Одна из них длиной 15,7 см, набрана из 15 пластин, одно окончание загибается (рис. 4). Последняя в ряду пластина прямая, без выреза. По всему периметру полосы окантовка из кожи, достаточно четко различима система скрепления пластин кожаными ремешками. Еще одна деталь панциря представляет собой прямую полосу, набранную также из 15 пластин второго типа. Ее длина 21 см. Последняя в ряду пластина прямая, без выреза.

Две загибающиеся полосы длиной 22–23 см были склеены из пластин первого типа. Однако их реставрация не завершена и длина должна оказаться больше. Изогнутость полос не является случайной и придавалась им для плотного облегания корпуса в боковой части.

Пластины шестого типа скреплялись веерообразно, за верхние отверстия. Как следствие, у ряда из пластин этого типа кожана окантовка имеется только сверху. В результате реставрационных работ удалось склеить небольшой монолит из 3 рядов, свернутых «гармошкой» (рис. 2, 6, 5). Длина первого ряда составила 31 см и не является окончательной. Установлено, что почти все типы пластин (I, II, IV–VI) имеют разнонаправленные вырезы. Полосы пластин одних и тех же типов скреплялись между собой вырезами в одну сторону. В центре панциря между собой эти полосы скреплялись таким образом, чтобы вырезы пластин были направлены друг на друга. Эти полосы скрепляла одна прямая пластина, которая подкладывалась под них (рис. 2, 5). От доспеха сохранились две небольшие детали, также набранные из пластин (рис. 2, 3, 4). Их назначение еще предстоит установить.

Далеко не все из выделенных нами типов находят соответствия пластинам, прорисованным В. Арндтом [Arndt, 1932. Abb. 3a]. В ходе реставрации склеены целые части доспеха, получена новая информация об особенностях конструкции панциря. Несмотря на то, что работа по реставрации и реконструкции керченского доспеха еще не завершена, уже сейчас можно прийти к определенным предварительным выводам относительно его культурно-хронологической принадлежности и очертить круг аналогий.

Наиболее близкой находкой следует считать целый панцирь из погребения 12 кургана № 1 Восточно-Малайского могильника, исследованного Н. Ю. Лимберис в 1986 г. и, к сожалению, до сих пор не введенного в научный оборот (Архив ИА РАН Р1 – 12828–30). Пластины имеют вырезы, а система их отверстий близка керченским пластинам. Ряды пластин в панцире сходились в центре и прикрывались одной пластиной.

На Кавказе, в крепости Цибилуим (у с. Цебельда), известной по историческим источникам VI в. (Прокопий Кесарийский, Агафий Миренейский) как апсилийская крепость Тзибила-Тибелия, обнаружены многочисленные панцирные пластины [Воронов, Бгажба, 1985. С. 25, 28–29, 92, 94, 95]. Строительство Цибилуима определено раннеюстиниановским временем (529–542 гг.), однако слой пожарища, из которого происходят находки панцирных пластин, предположительно, датируется 550 г. [Воронов, Бгажба, 1985. С. 25]. Среди находок представлены как отдельные панцирные пластины и обрывки кольчуг, так и большие скопления – до сотни фрагментов. Форма пластин самая различная и практически все они имеют вырезы. По размерам, форме и системе отверстий здесь представлены пластины, соответствующие выделенным нами типам I, IV, VI [Воронов, Бгажба, 1985. С. 92, 94, 95].

На территории Восточной и Центральной Европы к керченскому панцирю наиболее близки защитные доспехи аварского круга. К их числу принадлежит первоначально целый и наиболее известный среди специалистов панцирь (погребение 12a, погребение 12b/c) из Нидерштотцингена (Niederstotzingen) в Германии [Paulsen, 1967]. Панцирь и шлем оказались потревоженными грабительским лазом, однако верхняя часть панциря (до середины) сохранилась. Он был набран из пластин 6 различных типов [Ibid. Abb. 62, 1–5], состоял из нагрудника и «юбки», доходящей до середины голени. Форма, размеры, система отверстий большинства типов пластин практически идентична керченским. Они также имеют разнонаправленные вырезы, и ряды пластин набирались с учетом выреза – навстречу друг другу. Согласно реконструкции, шлем составлялся из 52 достаточно длинных (17–18 см) фигурных пластин, 25 из которых были направлены налево и 25 направо. Имелись также на-

вершие, налобная пластина и науси. Конструктивно данный шлем близок одному из боевых наголовий из керченского погребения. Захоронение из Нидерштотцинген датировано около 610 г.

Значительные фрагменты панциря найдены в погребении 2589 из Геллеп (Gellep), датированном около 540 г. [Pirling, 1979. Taf. 41–43], а также в Кирххайм / Рис (Kirchheim / Ries) в Германии [Paulsen, 1967. Abb. 64, 1]. Панцирные пластины чрезвычайно близки керченским – с вырезами, как близка и система их крепления – направление рядов вырезами навстречу друг другу и в месте их соединения скрепление изнутри прямой пластиной. В Италии близкие панцирные пластины известны в замке Трозино (Castell Trosino), погребения 79, 119 [Thorndeman, 1939. Fig. 232, 7–9] и в лангобардском могильнике Носера Умбра (Nocera Umbra), погребение 6 [Paulsen, 1967. S. 132].

Очень представительная серия находок происходит из аварских памятников, преимущественно с территории Карпатской котловины. Как правило, это единичные пластины, использовавшиеся не по назначению либо представляющие собой символическую замену целого панциря. Так, панцирные пластины найдены в 52 погребениях из 21 некрополя, а остатки кольчуг – в 28 могилах (см. сводку [Csallany, 1972; 1982]). Среди находок имеются пластины с идентичными размерами, формой и системой отверстий.

На территории Средней Азии – ранне-средневекового Согда – известно значительное количество находок панцирных пластин с вырезами. Так, при раскопках замка-храма Джартепа найдены пластины от доспеха [Бердимуратов, Самibaев, 1999. С. 46], относящиеся к трем типам. Наибольший интерес привлекают длинные пластины (17,6 см) с одним фигурным краем. По нашему мнению, они являются составляющими шлема. Еще одной находкой из другого согдийского храмового комплекса VI – начала VII в. являются остатки нескольких доспехов в городище Канка – более 1 500 экз. целых пластин и их обломков, а также обрывки кольчуги [Богомолов, 1997]. Сохранились относительно большие (30 × 12 см) фрагменты панциря из спекшихся пластин. По-видимому, как и в Джартепа, доспехи были развешены на одной из стен храма и представляли собой дары или

трофеи. По данным автора, насчитывается 12 типов пластин, среди которых имеются экземпляры с вырезным краем.

В целом, необходимо отметить, что подавляющее количество изображений панцирей, в составе которых использованы пластины с вырезным краем, приходится на Среднюю Азию, Восточный Туркестан и северные приграничные районы Китая [Кубарев, 2006. Abb. 10–12; Кубарев, 2007. Рис. 10–12]. Это вполне может указывать на возможный регион происхождения панцирей подобного типа. Единичные изображения таких панцирей и археологические находки пластин с вырезным краем известны и на территории Южной Сибири и Центральной Азии.

В назначении вырезов на панцирных пластинах у исследователей отсутствует единогласие. По мнению Д. Чаллани, вырезы на пластинах имели не только декоративное назначение, но и определяли месторасположение пластин в панцире, а главное – смягчали удар стрелы [Csallany, 1972. S. 13]. Последнее, полагаем, является лишь предположением и может быть подтверждено только экспериментально. В. Арендт считает, что вырезы на пластинах служили облегчению панциря [Arendt, 1932. S. 50]. Эта точка зрения была поддержана М. В. Гореликом [1993. С. 172]. По нашему мнению, доказать функциональное назначение вырезов сложно, хотя подобная трактовка и не исключена. В основном же они выполняли декоративную функцию.

По мнению М. В. Горелика, вырезное оформление краев пластин представляет собой эпохальное явление, которое характеризует переходную эпоху между первым («гунно-сяньбийским») и вторым («тюркским») периодами, т. е. хронологически соотносится с V–VI вв. [Там же. С. 170]. Таким образом, эта важная декоративная деталь не рассматривается исследователем как вероятный и вполне определенный этнодифференцирующий признак. В то же время М. В. Горелик признает тот факт, что «вторая половина I тыс. – «тюркская эпоха» – связана также с усилением центрально- и восточноазиатских признаков в доспехе на всей территории степной ойкумены, что естественно, учитывая тюркское, аварское, хазарское влияние на Запад, опять-таки до Центральной Европы» [Там же. С. 177]. Следует согласиться с мнением

большинства исследователей (см.: [Paulsen 1967. P. 132; Thordeman, 1939. P. 254; Hofer, 1996] и др.) о том, что впервые в раннем средневековье подобный род защитного вооружения был занесен в Европу именно аvaraми. А это, в свою очередь, увязывается с их центрально- или среднеазиатским происхождением. В таком культурно-историческом контексте и следует рассматривать керченский панцирь, относя его к VI – началу VII в.

Стрелы из комплекса относятся к разным вариантам черешковых трехлопастных наконечников, различающихся по абрису пера. Выделяются ромбические, вытянуто-подтреугольные и подтреугольные наконечники. На многих из них сохранились фрагменты древков со следами обмотки, закреплявшей наконечник. Если наконечники с ромбическим пером относятся к экземплярам, широко известным в гуннское и постгуннское время, то вытянуто-подтреугольные приближаются по своим характеристикам к наконечникам стрел из «Царского кургана» в Прикубанье (в комплексе которого, кстати, есть панцирная пластина), из катакомбы 29 Клинь-Яра III из раскопок В. С. Флерова [2000. Рис. 39] и из материалов более поздних исследований этого памятника. В целом тенденция к удлинению пропорций наконечников характерна для памятников уже более позднего времени (Глodosы, Вознесенка) [Амброз, 1981. С. 16].

Меч или фрагменты двух мечей в составе коллекции сохранились в неполном виде, поэтому изучение их морфологии затруднено, что можно сказать и про наконечник копья. Констатируем лишь, что это втульчатый наконечник копья, перо которого имеет, по-видимому, ромбическое сечение. В будущем планируется провести их металлографическое исследование. Отметим еще один любопытный факт – один из мечей был согнут и в таком виде помещен в могилу.

Реставрация шлемов к настоящему времени еще не завершена. Тем не менее уже сегодня можно говорить о ряде конструктивных отличий шлемов из погребения по сравнению с опубликованной В. Арендом реконструкцией. Наиболее сохранившийся шлем был набран из порядка 50 достаточно длинных (17–18 см) фигурных пластин, половина из которых были направлены налево, другая половина – направо (см. рис. 3). Имелись также навершие и налобная пла-

стина. В связи с этим необходимо отметить, что до завершения полной научной реставрации шлемов какие-либо выводы представляются преждевременными. Среди некоторых, уже упомянутых нами аналогий керченским шлемам следует указать и на находку близ с. Ильичевка [Николаева 1986. С. 183–188. Рис. 1,1].

Вследствие того, что часть погребального инвентаря (кусочки золототканой одежды, золотые листочки от гроба или погребального венка, золотой гвоздик, маленький золотой полумесяц и пр.) не обработана и не зарисована, она не привлекается для историко-культурной и хронологической интерпретации. Большое значение для подобной интерпретации данного погребального комплекса имеют два золотых прессованных изделия – бляшка овальной формы и наконечник подвешенного ремня, сохранившиеся в комплексе и представляющие собой украшения ременной гарнитуры, возможно, поясной [Отчет..., 1893. С. 59–61. Рис. 38–39].

Овальная бляшка украшена тремя концентрическими кругами, образованными полусферическими выпуклостями. Ряды мелких полусфер создают пояс, в который вписан ряд, состоящий из более крупных. В центре – составленная из мелких выпуклостей фигура в виде «знака бесконечности», в кольца которой, а также по бокам, вписаны отдельные полусферы.

Наконечник ремня прямоугольных очертаний, со скругленным нижним концом. По краю украшен рифленным валиком, к которому примыкает пояс из идущего по периметру ряда крупных полусферических выпуклостей, далее к центру располагается идущий по периметру рубчатый валик меньшего размера, окружающий плетеную фигуру из двойного рубчатого валика. Данное изображение также напоминает так называемый бесконечный узел.

Эти находки уже рассматривались исследователями. А. И. Айбабин относит их ко второму варианту штампованных изделий и считает, что декор бляшек имитирует зернь. Он указывает также на близкий рассматриваемым изделиям наконечник подвешенного ремня, найденного в погребении 109 могильника Суук-Су. В составе инвентаря погребения 63 того же могильника была найдена и подобная бляшка. В этой же могиле находилась лировидная пряжка второго варианта, по А. И. Айбабину, датируемая вто-

рой половиной VII в. [Репников, 1906. Табл. V, 8; 1907. Табл. XIII, 4]. А. К. Амброз сопоставлял погребения с поясными изделиями этого стиля с древностями I аварской группы, что также указывает на вторую половину VII в. Погребения с аналогами из Суук-Су А. И. Айбабин относит к восьмой группе погребений крымских некрополей [Амброз, 1971. С. 123; 1973. С. 88, 90, 91; 1995. С. 49; Айбабин, 1990. С. 57, 231. Рис. 52; 1999. С. 318. Табл. XXXI, 84]. Исследователи указывают на византийское или дунайское происхождение этих предметов [Амброз, 1992. С. 83; Айбабин, 1999. С. 141–142]. Один из авторов данной статьи допускает южносибирское или центральноазиатское происхождение предметов ременной гарнитуры, выполненных в геральдическом стиле [Кубарев, 2002]. С этим вполне согласуются и многочисленные центральноазиатские и дальневосточные аналоги защитному доспеху из Керчи. Кроме того, орнаментация в виде плетенки и имитации зерни также представлена в кочевнических древностях Южной Сибири.

Вещи с похожим декором известны в аварских памятниках. Следует указать на находки наконечников поясов, украшенных плетенкой, из Фельнака, Гатера – погребение 11, Адонь и пр. [Гавритухин, Обломский, 1996. Рис. 39, 58, 62, 66, 75]. Они близки рассматриваемым экземплярам по схеме, но манера, в которой они выполнены, несколько иная.

Практически полные аналоги содержатся в богатейшем наборе ременной гарнитуры из катакомбы 360 могильника Клинь-Яр III (информация любезно представлена А. Е. Белинским и Г. Харке). Эти пластинки являются вставками в достаточно массивные металлические детали гарнитур геральдического облика, что объясняет их изготовление из тонких золотых пластин. Находки же в комплексе с ними изделий с зернью Перещепинского горизонта убеждают в том, что это своеобразная имитация зерненных изделий. Любопытно, что в погребении также находятся фрагменты доспеха, однако кольчужного.

Изготовленные в той же стилистике вещи происходят из Нижнего Прикубанья: погребения 5 кургана 4 у хутора Крупской, погребения 1 кургана 8 у станицы Нижнестеблиевской [Атавин, 1996. Табл. 2, 9–11, 14–16. Табл. 25, 1, 4]. Близкие находки про-

исходят из Камунты. Вещи этого круга известны в Нижнем и Среднем Поднепровье – Виноградное, Васильевка, Хацки и др. [Орлов, Рассамакин, 1996. Рис. 3, 24, 4, 2; Корзухина, 1996. Табл. 21, 10–12]. Они также найдены на северной окраине степи – в Рязанской области, и происходят из кочевнического погребения у с. Арцыбашево [Монгайт, 1961. Рис. 35, 7, 9–11].

Сам автор раскопок относил погребение к римскому времени: «Изящный орнамент золотых бляшек позволяет думать, что погребение не позже II века по Р. Х. Медная монета императора Льва, найденная тут же, сильно потертая и с пробитой в ней дырочкой, не может, по мнению проф. Кулаковского, служить датой совершенного погребения, и утеряна здесь, как он полагает, древними грабителями золота, которого было, вероятно, очень много на погребенных тут воинах» [Отчет..., 1893. С. 61]. В. Арндт датировал керченское погребение VI в. и отнес его к древним тюнкам, указав на дальневосточное происхождение такого рода панцирей, а также поясной гарнитуры [Arndt, 1932. S. 53–54].

А. И. Айбабин предполагает, что комплекс этого погребения мог принадлежать одному из представителей местной знати, связанному с византийской армией [1999. С. 141–142]. В то же время сама конструкция погребального сооружения, а также отдельные находки, в частности кусочки златотканой материи¹, позволяют предположить, что погребение могло принадлежать представителю не боспорской, а кочевнической знати.

Данная публикация, как уже отмечалось, носит предварительный характер. Необходимы дальнейшие реставрационные работы с материалами керченского погребения и, в первую очередь, с фрагментами защитного доспеха, его графическая реконструкция, а также полноценное введение в научный оборот всего инвентаря и уточнение хронологии комплекса. Однако уже сейчас можно утверждать, что защитный доспех из керченской катакомбы является важным свя-

¹ Расшитая золотом одежда дарилась византийским двором царям и предводителям «варварских» народов. Так, например, Агафий Миринейский описывает одежду царя лазов Цаты – союзника Византии: «...разрешена только белая, однако, не обычная. Посредине с обеих сторон отсвечивает она золотым шитьем...» [1953. Кн. III, 15].

зующим звеном между аварскими материалами Центральной и Восточной Европы и археологическими находками подобного доспеха на территории Центральной и Средней Азии. Доспех, как и само катакомбное погребение, могут быть датированы второй половиной VI – началом VII в., т. е. относятся к заключительной волне эпохи Великого переселения народов.

Список литературы

Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана. Перевод М. В. Левченко. М.: Академия наук СССР, 1953. 224 с.

Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Симферополь: Таврия, 1990. Вып. 1. С. 3–86.

Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: ДАР, 1999. 352 с.

Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. № 3. С. 106–135.

Амброз А. К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV–VII вв.) // СА. 1973. № 4. С. 81–99.

Амброз А. К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981. С. 10–23.

Амброз А. К. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник. I. М.: АРХЭ, 1992. С. 6–108.

Амброз А. К. Юго-Западный Крым. Могильники IV–VII вв. // МАИЭТ. Симферополь: Таврия, 1995. Вып. 4. С. 31–88.

Атавин А. Г. Погребения VII – начала VIII вв. из Восточного Приазовья // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н. э. Самара, 1996. С. 208–264.

Бердимуратов А. Э., Самибаев М. К. Храм Джартепа. Ташкент, 1999. 72 с.

Богомоллов Г. И. Панцирный доспех с городища Канка // История материальной культуры Узбекистана. Самарканд, 1997. Вып. 28. С. 79–85.

Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Материалы по археологии Цибелиды (итоги исследований Цибелиды в 1978–1982 гг.). Тбилиси: Мецниереба, 1985. 113 с.

Гавриутухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-историче-

ский контекст // Раннеславянский мир. Археология славян и их соседи. М., 1996. Вып. 3. 296 с.

Горелик М. В. Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тыс. н. э. // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1993. С. 149–179.

Корзухина Г. Ф. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. Каталог памятников // МАИЭТ. 1996. Вып. 5. С. 352–435.

Кубарев Г. В. Некоторые основания для датировки сибирской «геральдики» // Тюркские народы. Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2002. С. 61–66.

Кубарев Г. В. Защитный доспех с фигурными пластинами (происхождение, распространение и конструктивные особенности) // Алтае-Саянская горная страна и соседние территории в древности. История и культура востока Азии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. С. 103–120.

Монгайт А. Л. Рязанская земля. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 400 с.

Николаева Э. А. Находки оружия на Ильичевском городище // Проблемы античной культуры. М.: Наука, 1986. С. 183–187.

Отчет имп. Археологической Комиссии за 1891 г. СПб., 1893. 187 с.

Орлов Р. С., Рассмакин Ю. Я. Новые памятники VI–VII вв. из Приазовья // Материалы I тыс. н. э. по археологии и истории Украины и Венгрии. Киев, 1996. С. 35–52.

Репников Н. И. Некоторые могильники крымских готов // ИАК. 1906. Вып. 19. С. 1–80.

Репников Н. И. Некоторые могильники области крымских готов // ЗООИД. 1907. Вып. 27. С. 101–148.

Флеров В. С. Аланы Центрального Предкавказья V–VIII веков: обряд обезвреживания погребенных // Тр. Клин-Ярской экспедиции. М.: Полимедиа, 2000. Вып. 1. 164 с.

Arendt W. Ein alttürkischer Waffenfund aus Kertsch // Zeitschrift für historische Waffen- und Kostümkunde. IV (XIII). Heft 3. 1932. S. 49–55.

Arwidsson G. Armour of the Vendel Period // Acta Archaeologica. 1938. Vol. 9. Fasc. 1–3. P. 31–59.

Csallany D. Avarkori pancelok a Karpat-medenceben (1 resz.) (Die Panzer der Awaren-

zeit im Karpatenbecken) // A Nyiregyhazi Joza Andras Muzeum Evkönyve. XII–XIV. 1969–1971. Budapest, 1972. S. 7–44.

Csallany D. Avarkori pancelok a Karpat-medenceben (2 resz.) (Die Panzer der Awarenzeit im Karpatenbecken) // A Nyiregyhazi Joza Andras Muzeum Evkönyve. XV–XVII. 1972–1974. Nyiregyhaza, 1982. S. 5–15.

Hofer N. Bewaffnung und Kriegstechnologie der Awaren // Hunnen und Awaren. Eisentadt, 1996. S. 351–354.

Kubarev G. V. Die Schutzwaffen mit figürlichen Lamellen als Indikator der Nomadenmigration in Eurasiens Steppezone im 6–8. Jh. // Arms and Armour as indicators of cultural transfer. The steppes and the ancient world from Hellenistic times to the early Middle Ages. Nomaden und Sesshafte. Wiesbaden:

Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2006. Bd. 4. S. 453–484.

Paulsen P. Alamannische Adelsgräber von Niederstotzingen. Stuttgart Verlag Müller & Gräff Kommissionsverlag, 1967. 197 S.

Pirling R. Das römisch-fränkische Gräberfeld von Krefeld-Gellep. 1964–1965 // Germanische Denkmäler der Völkerwanderungszeit. Serie B. 1979. Bd. 10. 91 S.

Thordeman B. The Asiatic Splint Armour in Europe // Acta Archaeologica, 1933. Vol. 4. P. 117–150.

Thordeman B. Armour from the Battle of Wisby. 1361. Stockholm, 1939. Vol. 1. 480 p.; Vol. 2. 145 p.

Материал поступил в редколлегию 07.04.2012

G. V. Kubarev, D. V. Zhuravlev

**ARMOUR FROM THE CATACOMB GRAVE FROM HOSPITAL'NAYA STREET IN KERCH
(EXCAVATION 1891 OF PROFESSOR Y. A. KULAKOVSKY)**

The article is introduced the almost unpublished materials from catacomb grave, investigated by Professor Y. Kulakovsky in 1891 at the Hospital'naya street in Kerch. Now the main part of the finds is in the State Historical Museum (Moscow) and some are in the State Hermitage (St. Petersburg). Among the most interesting finds are remains of one (or, probably, two) armour. The armour was made of 7 types of lamellar, most of which has a cut on one side or shaped edges. According to its' construction and decoration this armor is very close to some protecting armament of Avars in Central and Eastern Europe. However, he has direct analogies with the numerous archaeological finds and depictions of such protective armor in the Middle and Central Asia. This armour has undoubtedly a Central Asian origin. Considered protective armor from Kerch as well as the catacomb grave could be dated to the second half of VI – VII centuries AD.

Keywords: Crimea, Kerch, the final wave of the Great Migration of peoples, catacomb grave, armour.